

УДК 159.9

В.В. Голиков*соискатель каф. психологии развития
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***СТАНОВЛЕНИЕ СУПРУЖЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
У ДЕВУШЕК В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ**

Одной из ключевых причин дисфункциональности современной семьи является неадекватное выполнение супругами мужских и женских ролей, поскольку у молодых людей недостаточно развит образ себя как супруга. В этой связи целью исследования является выяснение закономерностей становления у девушек супружеской идентичности. В частности, было выявлено, что 76,6% девушек имеют размытый или ригидный образ жены. Лишь четвертая часть девушек в период между 19–25 годами начинает поиск супружеской идентичности и осознанную подготовку себя к супружеской жизни, чаще всего пытаются преодолеть опыт травматических отношений, используя как основной ресурс психологические тренинги. Результаты проведенного исследования могут применяться в целенаправленной психологической работе, что сможет существенно повлиять на оздоровление института семьи в современном обществе.

Введение

Одной из ключевых причин дисфункциональности современной семьи является неадекватное выполнение супругами мужских и женских ролей (Дружин, Беличева, Карбанова). Дело в том, что молодые супруги не идентифицируют себя как муж/жена, у них недостаточно развит образ себя как жены (мужа), или, иными словами, не сформирована супружеская идентичность. Супружеская идентичность практически не изучалась ни западными, ни русскоязычными психологами, но рассматривалась как одна из составляющих общей эго-идентичности, которой и были посвящены исследования Дж. Марсиа, Г. Гротевант, В. Торнбеске, М. Майер, О.А. Карбановой и В.Р. Орестовой. В них общая эго-идентичность складывалась из профессиональной, религиозной, политической, супружеской идентичности. А поскольку супружеская идентичность определяет здоровье института семьи и, как следствие, демографическую безопасность государства, то ее исследование имеет большую практическую значимость.

Понятие «идентичность» как научный психологический термин было разработано Э. Эриксеном. Идентичность определяется им как чувство внутренней тождественности и непрерывности личности, ощущение себя самой собой в различных обстоятельствах, социальных группах и возрастах. В рамках онтогенеза, согласно Э. Эриксону, индивид проходит через ряд возрастных стадий, каждая из которых ставит перед ним новые задачи и содержания развития, названные Эриксеном поворотными пунктами развития, или кризисами. Решение данных задач сводится к установлению динамического равновесия между индивидом и новыми требованиями социальной группы через приобретение им новых качеств, ролей, мироощущений, ценностей и пр., встраиваемых в сложную конфигурацию, объединяющую «конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли» [9, с. 49].

Поскольку теория Эриксона была построена на основе анализа биографий М. Лютера, М. Ганди, Б. Шоу, Т. Джефферсона и др., возникли сложности с операциональным определением идентичности. Развивая идеи Эриксона, Дж. Марсиа определил идентичность не как результат стремления к равновесному состоянию между социальной средой и личностью, а как «внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории», формирующуюся в результате решения проблем, которые преподносит человеку жизнь [12]. В процессе индивидуальной истории человека от его рождения до старости качественно и количе-

ственно меняется набор проблем, требующих от него принятия всевозможных решений относительно себя и своей жизни, что создает и развивает идентичность, как внутреннюю структуру эго. Таким образом, именно решение проблем и является основой модели Дж. Марсиа. Согласно Марсиа, идентичность формируется поэтапно, проходя через ряд статусов. Для определения и описания каждого этапа-статуса Марсиа использовал два критерия: 1) наличие или отсутствие кризиса (поиск своей идентичности); 2) наличие или отсутствие принятого решения о найденной идентичности и определяемой ею действиях. Опираясь на данные критерии, им были описаны четыре статуса идентичности: диффузная (несформированная), предрешенная (бессознательно заимствованная), мораторий (поиск идентичности через кризис) и достигнутая [13].

А. Ватерман, развивая идеи Э. Эриксона и Дж. Марсиа, полагал, что идентичность, формируясь в процессе прохождения кризисов и являясь результатом совершенных человеком выборов, содержательно представляет собой ценностно-волевой конструкт, включающий в себя цели, ценности и убеждения, дифференцирующие направленность жизни человека. Кроме этого, А. Ватерман соотносит элементы идентичности с конкретными сферами жизни, которые играют ключевую роль в процессе формирования идентичности: профессиональная, религиозная, политическая и ролевая, включая половые, супружеские и родительские роли [16; 17].

Дж. Мид представляет идентичность как способность воспринимать свое поведение и жизнь как связанное, единое целое [14]. В рамках данной парадигмы он выделяет неосознаваемую и осознаваемую идентичность, указывая на то, что переход от одной к другой происходит тогда, когда у человека развиваются рефлексивные процессы. В момент появления осознаваемой идентичности индивид отказывается от навязанных ему социумом целей, ценностей, убеждений, норм, привычек и мировоззрения и впервые начинает серьезно осмысливать собственную стратегию внутренней и внешней жизни.

Ю. Хабермас, решая проблему противопоставления индивида и требований социальной группы, представляет идентичность как интегральную сумму, отражающую развитие индивида в рамках обеих идентичностей – личностной и социальной, которые образуют систему из двух измерений [10]. На вертикальной шкале размещается личностная идентичность, отражающая хронологию жизни индивида как единого целого, а горизонтальная шкала отражает социальную идентичность, представляющую его ролевые позиции.

Х. Тэджфел и Дж. Тэрнер определяют идентичность как когнитивную, регуляторную систему, составными, но полярными частями которой являются личностная и социальная идентичности [15]. В зависимости от ситуации индивид выбирает тот формат поведения, который будет наиболее конгруэнтен личностным чертам или социальным ожиданиям.

Г. Брейкуэлл рассматривал идентичность не как статичный биполярный конструкт, а как динамическую систему, в которой в реальном времени в зависимости от ситуации, в которой находится индивид, на первый план может выходить, становясь доминирующей, или личностная, или социальная идентичность, а по ходу изменений в актуальной жизненной ситуации индивида, их взаимное положение может меняться.

Рассматривая эго-идентичность с точки зрения содержания, исследователи выделяют идентичность профессиональную (Д. Стьюпер, Е.А. Климов, В.А. Бодров, Э.Ф. Зерер, Э.Э. Сыманюк, В.А. Бодров), гендерную (Д. Майерс, У. Фаррелл, П. Робисон, Дж.Б. Миллер, К. Гилиган, С. Бем, И.С. Кон, Е.Ю. Терешенкова, А.С. Юрина, А.Р. Тиводар), этническую (Р. Бенедикт, Г. Деверо, М. Мид, А. Кардинер, Дж. Хониман, Ф. Хсю, М. Блелок, М. Спиро, А. Уоллес, В.С. Агев, А.Н. Леонтьев, С.Н. Ениколопов, Г.У. Солдатова, Р.А. Тагилова), религиозную (З. Фрейд, К. Юнг, У. Джеймс, Э. Фромм, В. Франкл, С. Гроф, А.И. Клибанов, В.В. Павлюк, М.Г. Писманник, Д.М. Угринович, Б.С. Братусь, А.П. Марков, Д.М. Двойнин). При этом супружескую идентичность тра-

диционно относят к гендерной идентичности. Исходя из анализа понятия эго-идентичность супружеская идентичность была определена как внутренняя организация смыслов, ценностей, потребностей и ролей, посредством которых индивид осознает себя как супруга и реализует свой образ супруга в подготовке себя к браку и в браке.

Поскольку в отличие от других подвидов идентичности супружеская идентичность оказалась практически неизученной, целью представленного исследования стало изучение особенностей становления супружеской идентичности.

Методика исследования

В основу исследования было положено полуструктурированное интервью, разработанное Дж. Марсия и адаптированное С.А. Татарко [6, с. 8]. Формулировка вопросов данной методики проводилась Дж. Марсией на основе двух критериев: во-первых, содержание вопросов должно затрагивать сферу супружеских отношений, и, во-вторых, формулировки вопросов должны обеспечивать возможность получить вариативные ответы, спектр которых должен соответствовать четырем статусам идентичности: предрешенной, достигнутой, диффузной и мораторию. Важно понять, было ли время, когда респондентки много думали об этих вопросах, и если да, то когда это было; менялись ли существенно их взгляды по тому или иному вопросу и что стало тому причиной.

В исследовании Марсия принимали участие женщины, незамужние, уже бывшие в браке и готовящиеся к повторному, поэтому в его версии интервью были вопросы, рассчитанные на все группы женщин. Поскольку наше исследование было направлено на выявление становления супружеской идентичности у девушек, только готовящихся к вступлению в брак, вопросы, касающиеся опыта первого брака, были исключены. Таким образом, используемая нами методика включает 42 вопроса. Оценки ответов испытуемых основывались на критерии Д. Марсия из справочника, описанного С.А. Татарко [11]: 1) наличие кризиса, т.е. периода исследования различных портретов и ролей жены; 2) наличие выбора, т.е. принятие решения о том, какой именно женой хотят стать респондентки и соответствующих сделанному выбору обязательств (ценностей). На основе сочетания этих критериев определялся статус супружеской идентичности испытуемых. Всего в исследовании приняло участие 64 девушки, которые были объединены в две возрастные группы по 32 девушки: 20–25 лет и 26–30 лет.

Полученные результаты и их анализ

Анализ показал, что в исследуемой выборке представлены разные типы супружеской идентичности. Результаты представлены на рисунке.

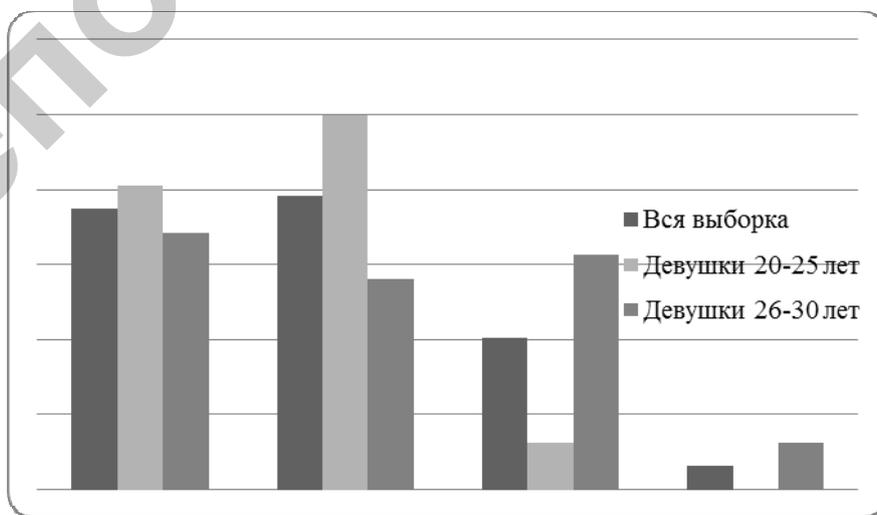

Рисунок. – Уровень сформированности супружеской идентичности

Полученные данные показывают, что чаще всего девушки демонстрируют *предрешенную идентичность* (39,1% выборки). Это обнаруживается на основании следующих признаков: 1) крайне устойчивые (ригидные) представления, которые не претерпевали существенных изменений в прошлом и с большой долей вероятности не изменятся в будущем; 2) эти представления совпадают с представлениями какой-либо фигуры, авторитетной для респондента; 3) периодов активного размышления, самостоятельного рассмотрения альтернативных вариантов решения не было.

37,5% респонденток демонстрируют *диффузную идентичность*, дифференцируемую следующими признаками: 1) интерес к обсуждению темы отсутствует; 2) декларируемые представления изменчивы и размыты; 3) основа – социально желательные ответы, стереотипы и точки зрения, представленные в СМИ.

20,3% респонденток находятся в статусе *моратория*, который обнаруживается на основании следующих признаков: осведомленность, активная деятельность по сбору информации, свидетельство рассмотрения альтернатив, позитивный эмоциональный настрой, желание принять скорое решение.

Статус *достигнутой идентичности* был обнаружен у 3,1% респонденток, определяемый следующими признаками: свидетельства самих респонденток, информированность, позитивный эмоциональный настрой, сопротивление нестабильности, идентификация со значимыми другими, активность по осуществлению выбранного элемента идентичности, проектирование личного будущего.

Как показывают полученные данные большая часть девушек (76,6%) не находится в ситуации поиска собственной супружеской идентичности (*предрешенная и диффузная идентичность*). 37,5% из них имеют размытый и стереотипный образ жены, например: «Надо вырасти, закончить школу, институт, выйти замуж, родить детей, сидеть дома. Ну, как бы классическая схема». 39,1% имеют ригидные представления, которые в сознании респонденток не претерпевали существенных изменений и, как правило, отражают мнение какой-либо значимой фигуры: «У меня просто мама дома, ну, как бы всем заправляет, поэтому я согласна с тем, что она мне говорит, и мне как-то такая роль больше нравится». Около 20% респонденток находятся в кризисе и осуществляют поиск, например: «Я не могу четко сказать, наверное, не знаю, я не вижу себя просто сидящей дома в ожидании мужа, поэтому я ищу какой-то другой вариант». 3,1% успешно прошли кризис и готовят себя к супружеской жизни, например: «Я занялась собой: привожу себя в физический порядок, занялась спортом, т.е. я поняла, как я выгляжу, я не обращала на себя внимание. Я поняла, что мой духовный мир беден, не смотря ни на что, он пуст, внутри меня пусто, и я не могу ничего дать человеку: я стала много читать, посещаю психологические курсы и тренинги... Изменения в личности всегда влекут за собой определенные изменения в жизни, и окружающие меня люди уже заметили перемены во мне».

Сравнительный анализ представленности статусов идентичности в двух возрастных группах с помощью критерия Хи-квадрат в целом показал отсутствие значимых возрастных отличий между девушками 20–25 лет и 26–30 лет ($\chi^2 = 5,837$, $n = 2$, $p > 0,05$). Вместе с тем анализ представленности каждого типа идентичности в двух возрастных группах обнаружил, что у девушек в возрасте 20–25 лет статистически значимо чаще встречается *предрешенная идентичность* ($\chi^2 = 6,731$, $n = 1$, $p < 0,01$), а девушки в возрасте 26–30 лет чаще демонстрируют статус *моратория* ($\chi^2 = 4,73$, $n = 1$, $p < 0,05$).

Для выяснения факторов, влияющих на становление супружеской идентичности, были проанализированы: 1) возраст, в котором девушки начали задумываться о себе как будущей жене; 2) обстоятельства, побудившие их к этому; 3) источники, в которых они искали элементы содержания супружеской идентичности.

Согласно полученным данным, незамужние девушки начинают серьезно задумываться о себе как о будущей жене в возрасте около 22 лет. Причем разброс индивидуальных сроков появления этих размышлений достаточно широк: от 14 лет до 30 лет. Девушки 20–25 лет полагают, что начали осмысливать образ жены в возрасте около 19 лет, а девушки 26–30 лет – в среднем около 25 лет. При этом понятия «размышления о собственном образе жены» и «кризис супружеской идентичности» не тождественны, поскольку 100% девушек указали возраст первых осознанных размышлений над собственным образом жены, но только 23,4% из них эти размышления привели к кризису идентичности. Следовательно, кризис не может начаться без размышлений о собственном образе жены, но такая рефлексия «запускает» скорее не кризис, а период благоприятный для начала кризиса.

Обратимся к результатам анализа ответов на вопрос о причинах, вызвавших размышления над собственным образом жены. Все ответы объединены в шесть категорий.

Категория № 1. Влияние значимых людей.

К данной категории относятся ответы, в которых девушки указали на прямое или косвенное влияние значимых для них людей, например: «Женщина, которую я считаю своей духовной наставницей, часто, но не навязчиво задавала мне вопросы, которые показывали мне, что иногда я веду себя как ребенок, а потом эти размышления переросли в размышления о том, какой я буду женой». На этот фактор влияния указали 32,8% респонденток.

Категория № 2. Опыт травматических отношений с противоположным полом.

В данную категорию были отнесены, во-первых, случаи собственного травматического опыта респонденток, например: «Разрыв длительных отношений с моим парнем привел к тому, что я задумалась о том, что, возможно, я была не такой. А какой тогда надо быть? Какой должна быть хорошая жена?». Во-вторых, не сложившиеся отношения, которые респондентки наблюдали в своем социальном окружении (вторичный опыт). Например: «Мои подруги часто рассказывают о проблемах со своими мужьями. Вот я и думаю: «А я бы, вот интересно, если бы была на их месте, я бы точно же так повела бы или по-другому?». Вот у меня и стали появляться мысли о себе». Такие причины назвали 25% девушек.

Категория № 3. Наличие реальных отношений.

К данной категории относятся причины, обусловленные наличием самого факта отношений и необходимостью некоего дальнейшего развития отношений с партнером, к которому девушки испытывают сильные чувства. Например: «В моей жизни появился дорогой мне человек, и я начала думать о возможности будущего с этим человеком, могу ли я что-то ему предложить. Я начала рассматривать себя как, ну, потенциальную жену». На такие обстоятельства указали 15,6% девушек.

Категория № 4. Взаимодействие с психологом.

К этой категории были отнесены причины, при которых прямым или косвенным катализатором начала поисков супружеской идентичности явился психолог. Например: «Я как-то слушала лекцию уважаемого мною психолога, и его идея о том, что, если я хочу иметь хорошего мужа, то и я должна быть такой же, заставила меня начать думать о себе». Это оказалось причиной для 15,6% девушек.

Категория № 5. Самостоятельная жизнь.

В эту категорию включены ответы, связанные с отделением от родителей, переездом на новое место жительства и началом самостоятельной, независимой с материальной точки зрения жизни. Например: «Я переехала в город, отделилась от родителей и начала жить одна, сама, отдельно: начала сама готовить, сама убираться, т.е. такие вещи, которыми жена в обычных условиях занимается. Вот и стала как-то задумываться

о том, способна ли я вообще быть женой как таковой. Так и пошло, дальше – больше». Такие ответы продемонстрировали 9,4% девушек.

Как видно из представленных данных, максимальное влияние на появление размышлений о себе как будущей жене оказывают значимые для респонденток люди (треть девушек 20–30 лет). Второй по своей значимости является группа причин, связанных с переживанием своего или чужого травматического опыта отношений с противоположным полом (25% опрошенных). Третьим фактором влияния (15,6%) оказались «Наличие реальных отношений» и «Взаимодействие с психологом».

Таблица 1. – Ведущие факторы начала поиска супружеской идентичности, n / %

Фактор	Вся выборка	20–25 лет	26–30 лет
Влияние значимых людей	21 / 32,8	13 / 40,6	8 / 25
Опыт травматических отношений	16 / 25	5 / 15,6	11 / 34,4
Наличие реальных отношений	10 / 15,6	6 / 18,8	4 / 12,5
Взаимодействие с психологом	10 / 15,6	4 / 12,5	6 / 18,8
Самостоятельная жизнь	6 / 9,4	4 / 12,5	2 / 6,2
Избыток времени	1 / 1,6	0 / 0	1 / 3,1

Примечание: n – количество респонденток, % – процентное отношение количества респонденток по выбранному критерию к общему количеству респонденток какой-либо категории

Сравнение двух возрастных групп с помощью критерия Хи-квадрат показало отсутствие значимых возрастных отличий ($\chi^2 = 4,224$; $n = 3$; $p > 0,05$) в пределах всей выборки относительно причин, «подталкивающих» к поиску супружеской идентичности. Отсутствуют они в отношении «влияния значимых людей»: $\chi^2 = 1,772$; $n = 1$; $p > 0,05$, однако «опыт травматических отношений» является причиной, зависящей от возраста респонденток ($\chi^2 = 4,947$; $n = 1$; $p < 0,05$).

Третье направление анализа касалось выявления источников информации для поиска собственной супружеской идентичности. Все ответы были объединены в 6 групп.

К первой группе были отнесены ответы, в которых девушки указывали на специальную литературу, посвященную проблемам взаимоотношений полов, брака и семьи. Например: «Мне хотелось напичкать себя информацией об отношениях мужчины и женщины, вот я и читала запоем книги по психологии полов и браке». Кроме этого, сюда были включены упоминания о различных средствах массовой информации: телевидение, журналы, интернет.

Вторую группу составили ответы, в которых указывалось, что источником поиска образа себя как будущей жены является родительская семья.

К третьей группе, условно названной «примеры успешных отношений», были отнесены все примеры и модели супружеского взаимодействия, которые не относятся к родительской семье и дифференцированы респондентами как успешные: друзья, знакомые и прочее. Например: «Я видела и хорошие примеры супружеских пар, естественно, хотела, чтобы и у меня было так же. Я, можно так сказать, «коллекционирую» счастливые семейные пары: вдохновляюсь этими примерами людей, которые могут строить отношения независимо от того, как долго они в браке, разговариваю с ними, спрашиваю, как у них, что».

В четвертую группу были включены указания на различные образовательно-психологические мероприятия, содержание которых включало описание различных моделей образа жены.

Пятую группу ответов составили беседы, разговоры, обмен мнениями в процессе общения, прямо или косвенно касающегося образа жены.

Шестая группа источников связана с пожеланиями, требованиями и ожиданиями, которые мужчина имеет в отношении своей потенциальной жены и вербально их ей

Таблица 4. – Значимость источников супружеской идентичности у респонденток в статусе моратория и достигнутой идентичности, n / %

Категории	Вся выборка	20–25 лет	26–30 лет
Специальная литература	8 / 53,3	1 / 33,3	7 / 58,4
Родительская семья	1 / 6,7	1 / 33,3	0 / 0
Примеры успешных отношений	8 / 53,3	1 / 33,3	7 / 58,3
Тренинги, курсы	10 / 60	3 / 100	7 / 58,3
Мнение незамужних подруг	2 / 13,3	1 / 33,3	1 / 8,3
Пожелания мужчины	2 / 13,3	0 / 0	2 / 16,7

Примечание: n – количество респонденток, % – процентное отношение количества респонденток по выбранному критерию к общему количеству респонденток какой-либо категории.

Статистический анализ с помощью критерия углового преобразования Фишера показал, что девушки с предрешенной и диффузной идентичностью, а также в статусах «мораторий» или «достигнутая идентичность» одинаково часто упоминают такие источники развития супружеской идентичности, как «специальная литература» ($\phi = 0,989$; $p = 0,1$) и «успешные отношения» ($\phi = 0,1575$; $p = 0,06$). Вместе с тем между двумя группами были обнаружены значимые различия по источнику «родительская семья» ($\phi = 5,203$; $p < 0,001$), т.е. девушки, находящиеся на стадии моратория или достигшие супружеской идентичности, редко рассматривают влияние родительской семьи как значимый источник, в то время как девушки с диффузной и предрешенной идентичностью оценивают его ключевой фактор.

Обнаружены также и значимые различия при упоминании роли тренингов и курсов ($\phi = 3,188$; $p < 0,001$). Респондентки в статусе моратория и достигшие супружеской идентичности ставят тренинги и курсы на первое место по значимости влияния на развитие их супружеской идентичности, в то время как девушки с диффузной и предрешенной идентичностью указывают на этот источник достаточно редко.

Заключение

Целью представленного исследования было выяснение особенностей супружеской идентичности у незамужних девушек. Как показали полученные результаты, большая часть девушек в возрасте до 30 лет не находится в ситуации поиска собственной супружеской идентичности. При этом они имеют размытый и стереотипный образ жены или ригидные представления, отражающие мнение какой-либо значимой фигуры, чаще матери. Обращает на себя внимание тот факт, что эти данные соизмеримы со средним уровнем разводов (68,3%), опубликованном белорусскими СМИ за последние четыре года [1–3; 7], что может указывать на связь между дисфункциональностью современной семьи, проявляющуюся в высоком уровне разводов, и несформированностью у девушек образа себя как жены. При этом лишь примерно четвертая часть респонденток осуществляет поиск собственной супружеской идентичности.

Полученные данные позволяют также вынести определенные суждения о возрасте, в котором девушки начинают задумываться о собственном образе жены, обстоятельствах, побудивших их к этому, и источниках, в которых они ищут элементы содержания супружеской идентичности. Оказывается, что первичное осмысление образа жены происходит в возрасте около 19 лет, многократно повторяется, создавая тем самым период благоприятный для начала кризиса, наступающего к 25 годам. Однако данный процесс не зависит от биологического возраста респонденток. Ключевой причиной, побуждающей девушек к целенаправленным поискам супружеской идентичности, становится опыт своих или наблюдаемых травматических отношений, полученный до 25 лет. При этом наиболее значимыми источниками содержательной стороны супружеской идентичности становятся психологические тренинги, примеры успешных отношений и специальная литература.

Таким образом, можно предположить, что активная и целенаправленная психологическая работа с молодежью в период от 19 до 25 лет в форме тренингов, курсов и групповой кризисной терапии, сможет существенно повлиять на оздоровление института семьи в современном обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белновости [Электронный ресурс] / Белорусская служба новостей. – Минск, 2014. – Режим доступа: <http://belnovosti.by/society/25189-chislo-brakov-i-razvodov-v-belarusi-v-2014-godu-umenshilos.html>. – Дата доступа: 20.06.2014.
2. Белорусская деловая газета [Электронный ресурс] / Информационное издание. – Минск, 2014. – Режим доступа: <http://bdg.by/news/society/18212.html>. – Дата доступа: 20.06.2014.
3. Добрая воля [Электронный ресурс] / Информационный портал. – Минск, 2014. – Режим доступа: <http://mihck.info/node/228>. – Дата доступа: 20.06.2014.
4. Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // Вопросы филологии. – 1998. – № 2. – С. 23–35.
5. Столин, В. В. Самопознание личности / В. В. Столин. – М. : МГУ, 1983. – 284 с.
6. Татарко, С. А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии / С. А. Татарко // Психологическая диагностика. – 2009. – № 1. – С. 1–39.
7. Телеграф [Электронный ресурс] / Информационное издание. – Минск, 2014. – Режим доступа: <http://telegraf.by/2013/02/v-belarusi-viroslo-chislo-brakov-i-umenshilos-chislo-razvodov>. – Дата доступа: 20.06.2014.
8. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг / Л. Б. Шнейдер. – М. : МПСИ, 2004. – 560 с.
9. Ericson, E. H. The problem of ego identity / E. H. Ericson // Identity and anxiety: Survival of the person in mass society. – Glencoe : The Free Press, 1960. – С. 47–55.
10. Habermas, J. Identitat. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus / J. Habermas. – Frankfurt : Suhrkamp Verl., 1976.
11. Marcia, J. E. Defermination and construct validity of ego-identity status / J. E. Marcia. – The Ohio State Union, 1964.
12. Marcia, J. E. Identity and Psychosocial Development in Adulthood / J. E. Marcia // Identity: An International Journal of Theory and Research. – 2002. – № 2 (1). – P. 7–28.
13. Marcia, J. E. Identity in adolescence / J. E. Marcia // Handbook of adolescent psychology. – N.Y. : John Wiley, 1980.
14. Mead, G. H. Mind, self and Society / G. H. Mead. – Chicago : The University of Chicago Press, 1946.
15. Tajfel, H. Social identity and intergroup relations / H. Tajfel. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
16. Waterman, A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review / A. S. Waterman // Devel. Psychol. – 1982. – № 3. – P. 341–358.
17. Waterman, A. S. Identity in adolescence: Processes and contents / A. S. Waterman. – San Francisco : JosseyBass, 1985.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.12.2014

Golikov V.V. The Formation of Married Identity of the Ladies in the Early Adulthood

One of the key reasons for the dysfunctionality of a modern family is improper performance of the spouses of male and female roles, as young people underdeveloped the image of themselves as a married couple. In this context, the aim of the present study is to elucidate the characteristics of the formation of the girls married identity. In particular, it was found that 76,6% of girls have blurred or rigid image of the wife. However, 23,1% of girls between 19–25 years are beginning to search for marital identity and conscious training for marriage, often trying to overcome the traumatic experience of relationships, using as the main resource of psychological training. In this regard, the results of the study can be used in a targeted psychological work, which is based on the identified features that can significantly affect the recovery of the family institution in modern society.